

ВИКТОР ААБ

Сны
в снежных
горах

Виктор Ааб

Сны о снежных горах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572407
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Тема выбора жизненного пути актуальна во все времена в любых странах и континентах. В книге описаны шестидесятые годы прошлого века в СССР. Время, когда подросло послевоенное поколение, и перед молодыми людьми встает проблема выбора жизненного пути. Герой книги – Витька, сельский мальчишка, романтик и мечтатель начинает открывать для себя мир и страстно мечтает стать летчиком. Через сомнения, неудачи и собственные ошибки ищет и находит свой жизненный путь...

Содержание

ВИТЬКА	4
Глава 1. Беззаботная жизнь	4
Глава 2. Тетя Дуся	12
Глава 3. Путь в Москву	18
Глава 4. Городская жизнь	27
Глава 5. Пацаны городские	33
Глава 6. Соблазн за забором	39
Глава 7. Витька – вор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Ааб СНЫ О СНЕЖНЫХ ГОРАХ ВИТЬКА

Глава 1. Беззаботная жизнь

Витька жил счастливой, беззаботной жизнью. Ну, не то чтобы совсем беззаботной, в большой семье так не бывает. А семья у него была – о-го-го! Мать с отцом, старшая сестра, сам – он, неполных двенадцати лет. И за ним, вслед – мал, мала, меньше – ещё четыре брата. Как тут без забот обойтись! Отец днями пропадал на работе в чертовом колхозе, так мать его обзывала, зарабатывая трудовни. Сама же мама работала дома. Село, в котором они жили, хоть и было довольно большим, но для женщины, чтобы найти работу, так, чтобы от дома поблизости находиться – было почти нереально. По пальцам пересчитать, было таких рабочих мест на селе. Все больше требовались полевые рабочие, свеклу, кукурузу тяпкой полоть, на току с зерном управляться. Тяжела женская доля. Утром, как уйдешь в поле и тяпай там траву с

длиннющей грядки до конца дня светового. А дома-то у матери шесть ртов, шесть непосед за которыми пригляд и пригляд нужен.

Отец по дому маме практически не помогал. Работал механизатором, отдавался работе полностью, изматывался основательно. Колхоз располагался в соседнем селе, и было до него километров пять расстояния. Бывало, приезжал отец домой на тракторе и оставлял его дома, ночевать во дворе, а чаще всего, и на работу и с работы ходил пешком, что добавляло усталости.

Село, в котором жил Витька, принадлежало военному совхозу «Бурненский» – крепкому, основательному хозяйству, и подавляющее число его жителей работали в этом совхозе и назывались рабочими. А отец Витьки как бы в селе был чужим, был колхозником, и ощущалось в этом звании что-то унижительное. Витька чувствовал это.

На глазах улучшалась жизнь на селе у совхозных рабочих. И зарплату живыми деньгами люди получали, и подворье домашнее помогал сельчанам совхоз содержать, выписывая в потребном количестве сено, и фураж для скота. Богатый был совхоз. Руководил им талантливый управленец со смешной фамилией – Чигринец. Фамилия конечно смешная, но был директор совхоза, между прочим, Героем социалистического труда.

Надежно и полновесно обеспечивал военный совхоз «Бурненский» Туркестанский военный округ сельскохозяй-

ственной продукцией. В основном, – картофелем. Обильные урожаи выращивал на своих полях. И в жаркую страдную пору благодарная армия выделяла в помощь совхозу армейские подразделения, которые помогали урожай собирать.

Разворачивались солдаты лагерем на живописной поляне недалеко от совхозного механического двора. Развертывали палаточный лагерь у большого проточного арыка, в котором не иссякала вода. И пропадала, вертелась возле таинственных палаток детвора, надеялась, что кто-то из солдат пожелает познакомиться, станет другом, и в знак дружбы одарит сорванца звездочкой или эмблемой, погонами с лычками, а если очень повезет, то и настоящей солдатской панамой – с металлическими дырочками на макушке. Это – чтобы голове не было жарко. И за эти атрибуты солдатской жизни пацан – счастливцев, готов был часами помогать военному другу в его дневальной работе на кухне – специальным скребком очищать от кожуры картофель, которым необходимо было наполнить огромный металлический чан.

Много картофеля требовалось, чтобы приготовить обед или ужин для всей солдатской братии. И так получалось, что дружбу с пацанами пытались завести именно те солдаты, которые часами эту картошку в кастрюли у арыка и чистили. А еще, бывало, они угощали друзей своих солдатской кашей, кушать которую надо было прямо из солдатского котелка. И не было вкуснее для Витьки пищи...

Отец тоже работал в совхозе, но это было в прошлом.

Мать и тетка говорили, что был он там очень ценным специалистом по тракторам, но почему-то повздорил с директором, да так, что хлопнул дверью и уволился.

– Гордый какой! – ворчала мама, – и кому что доказал? Вот и мучайся теперь в этом бесштанном колхозе вместе с детьми! Обиделся он, видите ли... Скажи вот, – чем детей кормить, одевать?...

Отец не огрызался, иногда бросал с досадой – ладно, хватит бурчать, и добавлял с уверенностью – наладится жизнь в колхозе, обязательно наладится, надо просто немного потерпеть.

– Терпель-ль-щик! – тянула мать. И сквозила в её голосе досада. – Детям скоро в школу не в чем будет ходить. Стыдно перед соседями. Все у нас не так как у людей...

Отец уходил в себя, на упреки не реагировал, и мать боль выплеснув, утихала. Очень редкими были перебранки такие, а когда, и быть-то им – рано, чуть свет на дворе, уходил отец в свой колхоз, и лишь затемно возвращался. И без суббот работал, без воскресений...

Колхоз действительно на фоне успешного военного совхоза был бедненький. Но самым неприятным было то, что не выдавал он зарплату колхозникам деньгами, весь труд оценивал в трудоднях, и рассчитывался за эти трудодни натурой – зерном, сахаром, яблоками и арбузами. Это было по завершении уборки урожая, и тогда наполнялся коридор Витькиного дома десятками мешков с пшеницей, и еще – круп-

ным зернистым сахаром. Колхоз в качестве основной культуры выращивал сахарную свеклу, которая перерабатывалась в районном центре, на сахарном заводе, в белоснежный вкусный песок. И тоже, добрый десяток мешков со сладким богатством, тесно уложенным в отдельную горку, подолгу занимал скудное коридорное пространство.

Количество мешков постепенно таяло, нужды экономить не было – и муки и сахара заработанного отцом с лихвой хватало на весь год. Зерно перемалывалось в муку на местной мельнице, и мать из неё – раз в неделю выпекала в печке, отдельно во дворе устроенной, караваи хлеба. И был этот хлеб, особенно сразу после выпечки – теплый и душистый и особенно желанный. А если отрезанный ломоть его, макнуть в воду – а потом, мокрой поверхностью – окунуть в мешок с сахаром, и еще, чтобы слаще было, щедро насыпать на влажную массу белоснежный толстый слой, разгладить, что схватилось, зацепилось и не просыплется с краев, и откусив зубами вкусноту, на ходу её прожевывая – выбежать бегом на улицу, к друзьям-товарищам – блаженство-то какое! И уже кричит навстречу наиболее ушлый из них – сорок-восемь, – половину просим! И тянет ладонь – ломай, не жалея! И куда денешься – ведь не успел же крикнуть первым – сорок семь – сам съем! Рот ведь набит вкусным! – мгновенно не пережует и не проглотит. Тому кусочек, тому... – и вот уже пусты руки. И не жалко совсем – доброе дело совершил – и сам перекусил, что успел, и друзьям удовольствие доставил!

А еще дома – кормилица корова с ласковым и красивым именем Зорька, – каждый день дает молока – целое ведро, и пей его, хоть залейся, все равно не кончается. И на масло и на сметану, и на творог – с лихвой хватает. И все это впрок детям – растите здоровыми и сильными, учитесь хорошо, и родителям по дому помогать не забывайте!

Витька и не забывает – в школе – передовик, одни четверки и пятерки по всем предметам в табеле. Мог бы быть и круглым отличником – но как-то неудобно перед товарищами будет. Скажут еще – вот задавала! Так Витьке кажется – и он не усердствует особо, – такой же, как все – и этим все сказано.

Летом и до поздней осени на Витьку наваливается масса обязанностей. Мешок травы-клевера накосить, и на плечах с далекого поля принести, чтобы Зорька, пока мать её доит, не скучала и жевала что-нибудь. Двор, улицу подмести. Огород полить, и помочь матери картошку прополоть. Да мало ли еще чего по хлопотному хозяйству сельскому, сделать надо. И все равно – времени, чтобы с друзьями на улице поиграть-побегать – достаточно у Витьки. Вполне беззаботная жизнь! Витька радуется жизни и все что он делает, совсем трудным не кажется. Потому что чувствует и твердо знает – родителям приятно, что он, старший из пацанов в семье, для них – первый помощник. Сестра – тоже! Но она – девчонка, и заботы у неё девчачьи. Хотя тоже – и за травой ходит, и в огороде работает, но все больше – по дому матери помогает,

за младшим Васькой ухаживает. Витьке кажется, что все-таки его обязанности и труднее и главнее. Так кажется и все...

Зимой – тоже особо не поскучаешь. Навоз из-под коровы в стойле убрать, свинарник почистить. Уголь, кизяк принести, чтобы печка не прогорала, снег со двора вынести... Конечно, поменьше забот чем летом, но так зимой, ведь и день короткий. И все равно – хватает его, чтобы и уроки сделать, и на улице вволю нагуляться. А еще на санках покататься, и на льду, – без коньков, – а просто в сапогах кирзовых – таких скользючих, что и устоять на них спокойно трудно, – в хоккей поиграть. Счастлив и беззаботен Витька. Набравшись впечатлений за день, довольный и усталый – валится ночью в кровать, на набитый свежей соломой, полем пахнувший матрац, в которой рядом спит еще сестренка и в ногах валетом, – младший брат – Андрюшка. Засыпает мгновенно и летает, летает во сне. Падает в бездну, замирает, нет, не от страха, а от непонятного какого-то томления и все не может приземлиться никак. Мать говорит, что это растет он так...

И лишь одно обстоятельство иногда огорчает Витьку. Он вдруг замечает, что все чаще его одноклассники приходят в школу в обновках. Видит, что у уличных друзей, как-то вдруг, исчезли заплатки со штанов, и лишь один он все носит одни свои единственные штаны. Все носит и носит. И если раньше аккуратные заплатки были только сзади – то вот совсем недавно появилась прореха впереди, на коленке и как мама ни пыталась незаметным швом её заштопать – так и не

получилось у неё ничего из этой затеи. И потому, хоть совсем маленькая, но появилась на Витькиных штанах ещё одна, третья по счету заплатка. Кажется Витьке, что все в классе только и смотрят на его штаны – и ему почему-то стыдно от этого. Он прошмыгивает к парте и затихает на ней, сидит безвылазно даже на переменах. Потом, – ну разве можно долго удержаться от участия в мальчишечьей колготне, – вдруг, увлекается, забывает обо всем, и лихо вклинивается в их забавы. А дома пытается канючить – все вот в целых штанах ходят, и только он один – с заплатками. Не пойду в школу!

Мать обнадеживает, ну потерпи еще немного сынок. Вот скоро зарежем поросенка, продадим мясо соседям, и тогда непременно, куплю я тебе штаны. Куплю обязательно, потерпи сынок! И Витька терпит, он усвоил уже – отцы его товарищей деньги за работу в совхозе получают, а отец его – трудодни! И ничего с этим не поделаешь. А школу пропускать он не будет, об этом он просто так, для словца красного бросил. Ведь в школе – так интересно! Куда без школы...

Глава 2. Тетя Дуся

Совсем плохо было бы с одеждой, но у мамы есть родная сестра – тетя Дуся. Она старше мамы и живет в Москве и мама говорит, что есть у неё два сына и дочь и все они постарше Витьки. Мама с тетей Дусей часто пишут друг другу письма. А еще – тетя Дуся иногда присылает из Москвы большую посылку, и в ней вещи, из которых его двоюродные братья выросли. Немного поношенные, но это совсем незаметно. Попадают в посылке и совершенно новые рубашки. И даже куртки иногда присылает тетя Дуся. Особенно радуется посылке сестра Лиля. У тети Дуси дочь – тоже Лиля, и все её вещи, как правило, идеально подходят на сестру. А мальчишечью одежду мама делит – ведь и Саше надо и Володе. Они хоть и младше Витьки на два года – но ростом не очень отстают. А еще они – двойняшки, и хоть совсем не похожи, и характерами совсем разные, но держатся друг за друга – и водой их не разольешь. Витька иногда как старший брат пытается дать кому-нибудь из них тумака в воспитательных целях, так не всегда и получается – стоят двойняшки, выступают единой силой – попробуй, подступишь! Вредными бывают иногда младшие братья – дразнятся, задирают, но Витька все равно их очень любит.

А зимой прошедшей тетя Дуся приезжала в гости. Витьку поразило – как она на маму похожа. Вылитая копия – толь-

ко уставшая какая-то. Мама говорит, что у неё очень ответ-
ственная работа – и детей своих Генку, Леву и Лилю воспи-
тывает она одна. А отец Витькиных братьев двоюродных и
сестры – пропал без вести. Ушел и не вернулся. Вот ведь как
бывает! И Витьке немного жалко своих далеких братьев, и
сестру – которых он увидел на фотографиях привезенных
тетей Дусей. Симпатичные пацаны. Лева – так еще и гитару
в руках держит, неужели играть на ней может?... А Генка
– вообще – в училище Суворовском учится – офицером бу-
дет! Витьке завидно. Он тоже очень хочет пойти в армию,
и непременно стать военным летчиком. Над его селом по-
стоянно летают реактивные истребители, и бывает, совсем
низко над землей. Аэродром военный расположился где-то
за Джамбулом в песках Муюнкумовских. Красивые, сереб-
ристые, острокрылые – проносятся самолеты так низко, что
звезды видать на крыльях, и даже – пушки и пулеметы. Вот
бы Витьке на таких полетать! Витька, да и все пацаны, за-
драв головы, провожают их полет зачарованными глазами.
Завораживают Витьку самолеты, и замирает сладко душа и
захватывает дух...

Тетя Дуся не сидела в гостях, помогала маме, чем могла, –
обеда и ужин готовила. Даже плов варила – совсем не та-
кой по виду, какой Витька на базаре в райцентре ел, и кото-
рый узбекским назывался, но тоже – вкуснющий – пальчики
оближешь! Хорошим поваром оказалась тетя Дуся! А еще
она просила маму, отпустить Витьку летом в Москву, в гости

– заодно и с братьями познакомиться. Мама неопределенно пожимала плечами – далеко-то как! Маленький он еще... А Витька раз мечтался. В Москву поехать – кто из друзей его бывал там... Вот обзавидуются...

Уехала тетя Дуся в свою Москву. И зима, всегда такая короткая в местах, где Витька живет, и весна, – очень быстро пролетели, и пятый класс школы Витька как обычно закончил, – хорошистом, без единой тройки в табеле. Вольница безмятежная наступила, и спать по утрам можно сколько захочешь. Живи – радуйся, в речке купайся, с обрыва пятиметрового в быструю её стремнину ныряй отважно вниз головой – сколько душа желает! Эх, хорошо-то как! А мама вдруг напомнила – ну что сынок, в Москву ехать ты еще не раздумал? Витька опешил и растерялся – как?! – Неужели такое и вправду может быть... Оказалось, может. И отец подтвердил – езжай Витя, посмотри на Столицу!

Случай подвернулся. Учительница Витьки по одному из любимых его предметов – истории, Лидия Тимофеевна, собралась в отпуск в гости к родственникам и дорога к ним непременно через Москву ведет. И согласилась она Витьку с собой взять, проследить за ним, вместе до Москвы доехать, а там, на вокзале Витьку тетя Дуся встретит. А о том, что Витька в гости едет, на каком поезде и в каком вагоне – мама её телеграммой известит!

Боязно Витьке. Он ведь дальше райцентра Бурное и не ездил никогда. И весь мир для Витьки, огромный, как ему,

кажется, полностью вокруг и расположился.

На Западе, в восьми километрах, Бурное, и несколько раз ездил Витька туда с отцом на автобусе – потому, что огромный базар там. И торгуют на том базаре всем, чего душа пожелает. Были бы деньги в кармане. И корову можно купить, и барана, и просто – семечек стакан.

На Севере – горы Каратау, или – старые горы, как их все называют. Там Витька тоже бывал. Грибы собирал весной – белые, тюльпаны рвал... По виду и не горы это совсем, а просто – холмы. Но доберешься до макушки этих холмов, и ахнешь от неожиданности. Дальше на Северо-восток, как перевернутая пилотка солдатская, распоротая с одной стороны, вдруг неожиданно возникают самые настоящие горы. Отсюда, с холмов, зарождаются ущелья, уходят вниз, все углубляясь и углубляясь в землю. И теряются вдаль, разделяясь на части и образуя разбегающиеся в стороны все новые и новые расщелины, и расплываются в бесконечности. Если спуститься по ущелью совсем немного – замечаешь вдруг, что начинает исчезать небо, а слева и справа упирается взгляд в неведомо откуда возникшие каменные скалы, вверх отвесно уходящие. И если дальше бездумно просто идти от холмов, как с горки катиться вниз – не мудрено и заблудиться в этих старых горах. Витька спускался в эти ущелья. Еще бы! – ведь на дне их бегут прозрачные ручьи из многочисленных родников образовавшиеся, а по берегам этих ручьев чего только не растет. И яблони дикие, и ежевика фиолетовая с соком

внутри как кровь красная, и боярка сладкая и очень вкусная. А еще – в горах много змей. И все равно, тянут горы к себе и детей и взрослых, приманивают богатствами, красотой и удивительно пахучим воздухом.

А на Юге, за горной речкой с кратким хлестким названием – Терс, тоже уходит вверх постепенно земля и потом, резко упирается в такие огромные горы, за которыми и неба не видно, и на вершинах которых лежат и никогда не тают вечные снега. Часто прячутся вершины этих гор за облаками густыми, которые плавно плывут гораздо ниже их макушек. Витька знает – правильное название этих гор – Тянь-Шань, но все на селе их называют просто – снежными горами. Только в этих горах Витька еще не бывал, как и не бывал дальше перевала Куюк, возвышающегося на Востоке села. А там, за ним – в шестидесяти километрах, говорят, расположился город Джамбул. Витьке бы не мешало побывать сначала – в Джамбуле, да в горах снежных – а тут сразу – Москва! Ну и дела...

И все-таки Витька решается. А что? Он теперь франт, можно сказать, настоящий. Мама, как и обещала, купила, наконец, Витьке новые штаны, и он теперь, ну прямо – монах в синих штанах! Не хуже других смотрится! Не стыдно в таком виде и в Москве показаться. Вот только – и на поезде он никогда не ездил. Правда, на станции, в Бурном – ползал под вагонами через рельсы. Там за ними, на другой стороне от базара, магазины разные расположены. К ним – от авто-

бусной остановки все под вагонами пробираются. Ползут на четвереньках, озираются по сторонам и пугают друг друга: – быстрее, быстрее, а то тронется сейчас поезд... А Витьке, так и не страшно совсем – он ловкий и шустрый, – успеет увернуться...

Отец на работе с утра, мама тоже от дел домашних оторваться не может. Торбу со всем необходимым Витьке в дорогу приготовила и поручила сестре Лильке проводить его к автобусной остановке, а там передать ожидавшей, и тоже собравшейся в дальний путь, учительнице. Учительница, оказывается с собой в путешествие ещё и внучку взяла – маленькую, совсем девочку. Витька презрительно скривился, так, – чтобы незаметно было – тоже ещё – попутчица! Автобуса все не было и не было, а он уже почувствовал себя настоящим путешественником. И – полетели мгновения!

Глава 3. Путь в Москву

Автобус, наполненный людьми под завязку, в Бурное бежал прытко, а Лидия Тимофеевна всё равно беспокоилась – боялась на поезд опоздать. Но обошлось. Ещё и ожидать пришлось поезда. А потом, побежали они вместе с толпой вдоль почти всей его длины, почти в самый конец, Лидия Тимофеевна протянула билеты строго оглядевшей их всех проводнице, и не заметил Витька, как внутри вагона очутился. И все там было так красиво, аккуратно и чисто, что Витька даже зажмурился от удовольствия. Ну, – прямо не вагон, а сказочная карета! Вот только лошадей запряженных не хватает. А билеты у них плацкартные оказались, – это когда у каждого пассажира есть отдельное место, где можно спать или лежать, хоть весь день, и так – до самой Москвы.

И пока озирался Витька вокруг, присев за столик у окна, – поезд тронулся. Он ничего и не почувствовал даже, лишь случайно бросив взгляд в окошко, увидел как все быстрее и быстрее стали смещаться и убегать назад, за поезд, деревья, дома и люди. И – все чаще и чаще – тук-тук-тук, – застучали колеса, а появившиеся поля за окном стремительно увеличивались в размерах и становились все больше и больше. Витьке показалось, что они закружились в каком-то бесконечном танце, – вблизи исчезали из виду, а там впереди по ходу поезда как бы возникали из неоткуда, и набегали на

него, стремясь под поезд попасть. Ну, прямо круговерт настоящая.

И вдруг почувствовал Витька, как закружилась голова, стало очень жарко, и тошнота подступила к горлу. Поспешно отвернувшись от окна, вытер ладошкой взмокший от испарины лоб – и уперся взглядом в стенку, напротив. Впился в одну точку и ничего уже не хотел замечать, лишь чувствовал, как подрагивает вагон, и монотонно стучит в голове – тук-тук-тук... – тук-тук...

Между тем, Лидия Тимофеевна расстелила на матрацах свежие простыни, заправила в наволочки совсем крохотные, по сравнению с теми, на которых спал дома Витька, подушки и бросив взгляд на Витьку заметила его побледневшее лицо. Озабочено вскинулась и бросила участливо – потерпи Витя, это с непривычки, – укачивает. И скомандовала – ну-ка, давай, полезай наверх на полку и полежи немного. Сейчас все пройдет.

Витька вскарабкался наверх, улегся поверх одеяла, не раздеваясь, и затих как мышка. А вскоре, почувствовал – действительно, – полегчало, успокоился, и потянуло в сон... А потом, удобно улегшись на живот, оперевшись на локти и уткнув голову в ладони не уставал Витька больше смотреть в окошко, и не иссякало никак его любопытство.

Долгой оказалась дорога. Два дня, две ночи, а потом ещё и половину третьего дня добирался поезд до Москвы. И удивлялся Витька той огромности страны, в которой посчастли-

вилось ему жить, и называли которую учителя в школе, самой лучшей страной в мире. Сначала он увидел те самые горы, снежные горы, по подножию которых, замедлив ход, тяжело карабкался поезд, испуская от напряжения облака густого черного дыма. Потом, появились выжженные степи и даже – пески. Сладко проспав всю ночь под убаюкивающий стук колес, на второй день Витька проснулся от сильного грохота и увидел за окном море воды, раскинувшееся на всё видимое пространство, и оказалось – поезд грохотал по мосту железнодорожному. Сильно раскачивался. Витька забоялся даже, что он на полном ходу может свалиться с моста в это разлившееся внизу необъятное водное пространство и утонуть. Обошлось! Потом, Лидия Тимофеевна пояснила, что не море это совсем было, а великая русская река Волга. Витька вспомнил – об этой реке рассказывала географичка. На остановках в больших городах, через которые проезжал поезд, Витька из поезда не выходил – Лидия Тимофеевна не разрешала. Садился снизу за столик у большого окна и наблюдал за суетой на перроне, удивлялся большому числу собравшихся на перроне людей – и откуда они берутся, только! Во всей Бурно-Октябрьке огромной их и то – меньше! А еще в поезде ему нравилось завтракать, обедать и ужинать. В торбе, которую приготовила ему мама, оказались и яйца, сваренные вкрутую, и сало и хлеб, огурцы с помидорами и даже бутылка с молоком, плотно запечатанная пробкой из газеты. А ещё – соль в спичечном коробочке. Лидия Ти-

мофеевна всё это взяла под свой контроль, сложила вместе со своими продуктами, среди которых оказалось даже печенье. И всю эту еду кушали они вместе. Витька сначала очень стеснялся. Все казалось ему, что кушает он некрасиво, хотя точно знал, что не чавкает он никогда. И все равно – как-то неудобно было жевать при учительнице. Но Лидия Тимофеевна в поезде совсем не похожей была на ту – строгую, из школы, при которой только пискни попробуй во время урока. Доброй и заботливой оказалась Лидия Тимофеевна и Витька постепенно освоился. Вот только очень боялся, что разобьет нечаянно стакан из поезда. В этих стаканах проводница приносила им чай. Они были большие, тонкие и прозрачные, и чтобы не обжечься, от горячего чая – подавались в блестящих металлических подстаканниках. Такие стаканы Витька держал в руках впервые. Дома у него конечно стаканы были, но только граненные, толстые и грубые. Упадет на пол домашний стакан и даже не разобьется. А этот, кажется, в руках сломаться может. Чудеса, да и только.

На третий день Лидия Тимофеевна сказала, что скоро появится Москва, что пора собираться Витьке выходить. И начала беспокоиться и переживать, а не опоздает ли его тетя Дуся к поезду. И если вдруг это случится, – на кого она Витьку тогда оставит. А Витька и не думал переживать. Он не мог оторвать глаз от окна, за которым вот-вот должна была появиться Москва. Но долго-долго, по-прежнему, всё тянулись и тянулись перелески и деревни с деревянными дома-

ми. Чудно было Витьке – в его Бурно-Октябрьке деревянных домов никто сроду не строил, а всё – из самана, с крышами камышовыми. А еще чуднее, что все было зеленым вокруг, как бывает там, дома, только короткой быстротечной весной. Потом, выгорает вся трава на полях и в предгорьях от жаркого палящего солнца, и пшеницу, которая желтеет вся к началу лета, тоже – скашивают. А тут – растет, зеленеет она всю и кажется даже, что вряд ли к осени созреет. Зато красиво как! – и радуется сплошная зелень Витькины глаза. А еще – эти деревья, – высокие, мохнатые ёлки, много ёлок, и сосны раскидистые с толстыми коричневыми стволами, и шишками на ветках. Ёлку видит Витька один только раз – на Новый год в школе, и то, говорят, что она не настоящая. Не растут такие деревья в его селе и все тут. Все больше тополя пирамидальные, ростом чуть до неба не достающие, а ещё вербы и джида. И оттого, что ели напоминают Витьке Новый год, не покидает его праздничное настроение. И все высматривает он когда появятся московские, большие многоэтажные дома, которые видел он на картинках, и может быть – даже сам Кремль. Но вот, засуетились все в вагоне, начали вещи собирать, чемоданы вытаскивать из-под полка. Лидия Тимофеевна тоже засуетилась, и отвлекла Витьку от окна. И не успел он оглянуться за всеобщей суматохой вокруг, как поезд замедлил ход, закрипел тормозами и остановился. Лидия Тимофеевна проверила, не забыл ли Витька чего из одежды, сунула ему в руку полупустую торбу и под-

толкнула к выходу. И только собирался еще Витька по ступенькам из тамбура спуститься на землю, а уже увидел тетю Дусю. Она стояла в сторонке, пристально вглядывалась в выходящих из вагона пассажиров и заметив, и узнав Витьку, улыбнулась ему и призывно махнула рукой, а потом, когда Витька спустился, обхватила его за плечи и прижала к себе. Витька смущенный не знал как себя вести – вот ещё нежности, но было ему приятно. Потом тетя Дуся побеседовала немного с учительницей и попрощавшись потянула Витьку за собой. Оказалось, что до её дома надо ещё ехать на автобусе. Витька знал, конечно, что тетя Дуся живет не в самой Москве, а в городе Волоколамске, но он представлял, что это совсем рядом, а на деле всё оказалось не так. Целых сто двадцать километров надо было проехать ещё до Волоколамска на автобусе. И тетя Дуся, поэтому спешила. Была уже вторая половина дня, и на автобус нельзя было опоздать.

Автобус, на котором с вокзала они выехали в Волоколамск, Витьке тоже очень понравился. Он был совсем новый и нарядно покрашенный. Вообще-то он видел такие и у себя дома, только – издали. Видел на асфальтовой дороге за селом, по которой с глухим рокотом проносились они так, что земля вздрагивала, если близко у дороги стоять – из Алма-Аты в Ташкент и обратно. Но во внутрь такого автобуса он ни разу еще не заглядывал. А тут тебе, не только заглянуть, а сидеть и ехать надо. Тетя Дуся указала ему на отдельное место, прописанное в билете, и он тут же на него вска-

рабкался. И было оно просторным и удобным, и так высоко стояло, как впрочем, и все кресла в салоне, что головы людей толпившихся снаружи у автобуса, были на уровне его ног. Потом тронулся и очень быстро ехал, этот автобус. По салону гулял ветерок, потому что кто-то из пассажиров приоткрыл люк наверху. И опять Витька прилип к окну и любовался лесом, который стеной стоял с обеих сторон вдоль дороги, был очень густой и сплошь состоял из елей и сосен. Они уже ехали довольно долго, наверное час, а то и больше, и Витька с нарастающей тревогой заметил, что пространство за окнами также как в поезде, в начале пути, закружилось все быстрее и быстрее. И как-то внезапно вдруг ощутил, что опять стало ему очень жарко, пот выступил на лбу и крупными каплями покатился по щекам, хотя по-прежнему по салону гулял легкий ветерок. Закружилась голова и противная тошнота подступила к горлу, и испугался Витька, что еще немного и его вырвет. Он резко встрепенулся на сиденье, встал, вцепился руками в спинку впереди, прижался к ней грудью, запаниковал и, не зная, что предпринять стал озираться по сторонам.

– Витенька, что с тобой! Тебе плохо? – услышал он встревоженный голос тети Дуси, промычал в ответ что-то невразумительное, а она, поняв все сразу, закричала резко и требовательно: – Водитель! Останови автобус! И пассажиры, сидевшие в одном ряду и сзади, тоже зашумели разом и повторили: – Останови!.. Останови-и-и! – мальчику плохо! И пока автобус, притормаживая, всё ещё катился по инерции впе-

ред, успела тетя Дуся выхватить из сумочки носовой платок и начала промокать противный Витькин липкий пот. Подготавливаемый позывами тошноты, Витька бросился к открывшейся двери, выскочил из автобуса и едва не упал, споткнувшись о камень на обочине. Инстинктивно дернувшись, попытался удержать равновесие и это ему удалось. И он так забоялся упасть на виду у всех, что и не заметил даже, что ускользнула тошнота. По инерции, жадно глотал ртом, как рыба, приятный прохладный лесной воздух. Выдыхал, и словно опасаясь, что этот живительный воздух исчезнет – глотал снова и снова. И посвежело в груди, и отступил комок от горла. Хотел, уж было влезать в автобус обратно, – как же! – автобусу ехать надо, и все пассажиры смотрят на него из окон и ждут. Но тетя Дуся удержала его за руку и не пустила. – Не спеши сынок, походи, погуляй немножко, просвежись – дыши, дыши воздухом! Подождет автобус, куда не денется! Она говорила все это скороговоркой и все пыталась заглянуть ему в глаза – действительно ли лучше ему стало? Некоторые пассажиры тоже воспользовались остановкой, вышли из автобуса, потягивались и разминаясь размахивали руками. А две тетки, торопясь даже побежали в лес. Витьке нравился воздух, он дышал и дышал полной грудью и все не мог надышаться. Воздух был необычный, был густым, плотным, насыщенным обильно запахом хвои, разнотравья и особенной свежестью. Он напомнил Витьке отдаленно весенний воздух Бурно-Октябрьки, в то короткое время, когда распускалось

все вокруг и цвело. И уже по-настоящему почувствовал себя Витька бодрым и полным сил. В автобусе они поменялись с тетей Дусей местами, и Витька не смотрел больше в окно. Все еще переживая от того, что привлек всеобщее внимание – замкнулся в себе, а через некоторое время сами собой сомкнулись его глаза и Витька заснул. А когда проснулся – автобус уже петлял по Волоколамским улицам.

Глава 4. Городская жизнь

И началась у Витьки городская жизнь. Как-то скучно началась. Оказалось, что только один брат его двоюродный – Лёвка жил с тетей Дусей. Он был самым младшим из тети Дусиных детей и все равно на целый год был старше Витьки. А Гена все ещё учился в своем Суворовском училище в Москве, и тетя Дуся сказала, что он скоро приедет на каникулы. И Дочь её – Лиля, тоже жила в Москве. Тете Дусе надо было работать, и она уходила рано утром, и возвращалась лишь вечером. Лёвка оказался какой-то странный и непонятный. Он совсем не обрадовался Витькиному приезду и Витька почувствовал сразу, что не понравился Лёвке и оттого не знал даже как себя вести. Лёвка смотрел на него с нескрываемым превосходством и почему-то, при первой встрече, когда тетя Дуся отошла по своим делам, обозвал его «деревней». И были в интонации, с какой он это слово произнес такие нотки, что Витька обиделся про себя, хотя виду не подал. А ведь он еще даже не успел рассказать Лёвке как жил, а жил он не в какой-то деревне, а в большом и красивом селе. И вообще, деревень, в местах, где он жил совсем и не было, а были сёла, в которых жили русские и немцы, и аулы, в которых жили казахи. Наверное, Лёвка гордился очень, что Москва рядом находится. Так рядом с его селом, правда, на немного большем расстоянии, чем Волоколамск

от Москвы, — если честно, находятся и Ташкент, и Фрунзе, и даже — Алма-Ата, и все они — тоже столицы. Он заикнулся об этом, но Лёвка и слушать его не стал и тоже обозвал эти города деревнями. И чего задается, подумал Витька — оказалось, что Лёвка не знает даже что есть такие города как Джамбул и Чимкент. А если не знает — чего с ним спорить. И Витька не стал, а про себя подумал, сам он — «деревня». В общем Лёвка сразу потерял к Витьке интерес, исчез куда-то и редко совсем появлялся дома. И получилось, что жил Витька в тети Дусином доме один. Когда Витька осмотрелся вокруг, понял он, что это и не дом вовсе у тети Дуси, а квартира. Она была очень маленькой и тесной, и было у Витьки ощущение, что врыта она в землю. Одно единственное окошко почему-то было высоко над полом, смотрело на Юг и в него откуда-то сверху, как с потолка светило в комнату солнце. Тети Дусина кровать была спрятана за занавеской, а та, вторая кровать, на которой спал Витька, казалось, занимает полкомнаты, хотя была самой обыкновенной кроватью. А впереди, с улицы перед этой комнатой был еще маленький совсем с крохотным окошком коридорчик. В нем на плите тетя Дуся готовила еду и разные супы. Витька со своей семьей количеством в восемь человек в этой квартире точно, не уместился бы. Там дома в Бурно-Октябрьке было у них две комнаты: побольше и поменьше. В первой, которая поменьше, стоял большой стол с длинными скамейками, за которым все они разом помещались. И был в этой комнате деревянный пол, и

еще была теплая уютная печка с духовкой, на которую можно было влезть, и если замерз на улице – быстро согреться. Во второй комнате, где они спали все, было аж три кровати, стол, на котором стоял радиоприемник, и все любили слушать по вечерам из него различные постановки и песни, и еще оставалось место, чтобы готовить за этим столом уроки. И целых три окна было в этой комнате – по одному во все стороны. Вот, правда пол был в ней земляной, который для твердости, прочности, и чтобы не трескался и не пылился, мама или сестра мазали раствором из кизяка. И еще лежал половик на этом полу, по которому ходили они все босиком, и то, что под ним пол – земляной, было почти незаметно. Перед первой комнатой был большой коридор, который зимой не отапливался, и в котором хранились мешки с отцовскими «трудоднями». В коридоре – наверху под крышей, на длинной палке, кругами висела отцом приготовленная колбаса и была она вкуснющей-привкуснющей. Пальчики оближешь. Правда, она быстро заканчивалась, потому что Витьке и его братьям – пацанам, не терпелось сорвать этот манящий запахом круг. Сорвать и тут же разломить на куски, расхватать по рукам и съесть без хлеба. Мама, увидев это безобразие, для вида пыталась ругать за самовольство. А потом, махнув бессильно рукой, жаловалась сама себе – вот ведь... растут... и не напасешься на них...

Совсем маленькая оказалась квартира у тети Дуси, но Витька в ней долго и не находился, ведь лето на улице и все

интересное для него должно было быть там. В первый же свободный день тетя Дуся взяла его с собой, в город – туда, где были магазины и многоэтажные дома, за покупками. Хлеба надо было купить и ещё кое-что. В магазине, куда они зашли, все было для Витьки интересным, и то, что продукты можно было брать самому, а не просить продавщицу, чтобы она подавала их, и то что продавщица сидела за кассой и к ней потом надо было подойти, чтобы расплатиться за те продукты, которые выбрал. Да и сами эти продукты – молоко в стеклянных бутылках, хлеб, не в каравах как мама выпекала его, а в батонах или булках были по виду необычны. И ещё – масло сливочное в бумажных пачках-брикетах, и какой-то маргарин. Потом, когда он все это кушал, оказалось, что эти продукты – и молоко, и масло, и хлеб-батон-булка, отличались и по вкусу от тех, которые ел Витька дома. Витька так и не сумел разобраться, вкуснее они были или нет, – они были для него просто необычными, городскими, как и всё, что он впервые видел вокруг. В магазине Витьке очень понравились кассовые аппараты, которые он тоже увидел впервые. На них продавщицы считали, сколько денег нужно было заплатить за хлеб или молоко, и эти аппараты громко урчали и печатали чек, на котором была цена за все, что покупатель берет с собой. Дома Витькины продавцы все считали на деревянных счетах с костяшками на проволочках, и там все было видно и понятно. А вот как это делал кассовый аппарат, и при этом не ошибался, Витька никак не мог сообразить. Он

быстро запомнил дорогу к продуктовому магазину и потом, по заданию тети Дуси несколько раз покупал хлеб и молоко самостоятельно и всегда, очень волновался почему-то.

Сами дома и здания городские Витьку не очень заинтересовали, но однажды он наткнулся на церковь, наткнулся и просто обомлел от её величия. Гигантских размеров была она, вся из красного кирпича, потемневшего от времени, и по виду – очень древняя. И на вершине церкви – купола её. Они так высоко возвышались над землей, что Витька, задрав до невозможности голову, и рассматривая их, почувствовал себя мелкой-мелкой букашкой. Чем-то эта церковь напоминала Витьке отвесные скалы в старых горах, и ещё – сказочного богатыря. Окружена была церковь пустынной площадью. Огромные деревянные ворота, служившие вероятно входом в церковь были накрест заколочены досками. Тетя Дуся сказала, потом, что теперь это и не церковь вовсе и что там внутри за древними стенами находятся склады. А Витьке церковь показалась совершенно безжизненной и какой-то уставшей. И в то же время... – живой... А ещё – птицы... Никогда не видел Витька раньше тех больших черных птиц, которые обитали на окрестностях заоблачных куполов этого странного сооружения. И будто бы по неведомой команде большой стаей, с оглушающим карканьем, вдруг взмывали они в воздух и большим чёрным облаком кружили высоко в небе, исчезали из глаз, и потом, появившись вновь, тёмным пятном дружно оседали на куполах и на огромных крестах

их венчающих. И было во всей этой птичьей кутерьме что-то завораживающее и зловещее...

Первое время по приезду Витька выходил в огромный пустынный двор перед тети Дусиной, и ещё несколькими такими же, как у неё квартирами. Со двора, если на них взглянуть, больше похожими на сараи, и скучал. А потом, познакомился с местными пацанами, которые тут же приняли его в свою компанию, и Витька перестал замечать время. Он тут же с ними во дворе играл в футбол, а играть в футбол он любил, был в своем классе дома всегда нападающим, когда играли командой класс на класс и знал хитрые обманные финты. И оказалось, что он – футболист, совсем не хуже своих новых друзей, а если вправду сказать, – то и лучше. И то, как он ловко удерживал в своих ногах мяч обманными финтами, не давая возможности противнику, отобрать его, сразу вызвало у пацанов к нему уважение. И только брат Лёвка, появившись во дворе неизвестно откуда, и сам в игру не связывающийся, лениво за игрой следивший, видя как Витька все-таки терял мяч или неудачно пасовал его напарнику, обязательно замечал его промах и цеплял Витьку словами: – э-эй деревня! – ну ты и мазила... Он как будто стеснялся Витьки.

Глава 5. Пацаны городские

Приняли Витьку в свою компанию городские пацаны. А что? В футбол гоняет почище некоторых. И финты как делать правильно, показывает. Не задается, не слабак, и видно сразу – не маменькин сынок. Разные истории интересные рассказывать умеет – и про мушкетеров, и про места откуда приехал. Про горы снежные... Врет конечно, но слушать все равно интересно. А может быть и не врёт... Впрочем, у нас тоже есть на что посмотреть и чем заняться. Пусть присоединяется коли охота.

И зажил Витька местной пацанской жизнью. Большая часть этой жизни протекала за пределами двора. Не сиделось на месте пацанам. То туда забредали, то сюда. И много ещё чего нового открыл для себя Витька. Он обожал книги о войне и читал еще до приезда про Панфиловскую дивизию из Казахстана, которая защищала Москву от фашистов под Волоколамском. Восхищался подвигом 28-ми героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково, которые подбили за один бой много танков. Погибли почти все, но не отступили и не пропустили к Москве фашистов. Но то, что сам Волоколамск был захвачен фашистами, он не знал, просто не мог этого допустить в воображении и сначала не очень поверил своим новым друзьям. А они завели его однажды на кладбище, где похоронены были погибшие во время войны

солдаты. Витька увидел памятники с деревянными звездами, и на многих было написано только одно слово: – «неизвестный», а еще на одной из могил вместо памятника был установлен пропеллер от настоящего самолета и Витька понял, – похоронен здесь сбитый в бою летчик. И ни фамилии ни имени не нашел он на пропеллере. Кладбище было старое, заросшее травой, но все равно аккуратное. А рядом с ним, как оказалось, было ещё кладбище. И там, на могилах, стройными рядами как в едином строю, вместо памятников – торчали деревянные кресты, на каждом из которых была прибита железная табличка с надписью на немецком языке. «Здесь немецкие солдаты похоронены» – пояснили пацаны. Впрочем, Витька и сам догадался, что под крестами похоронены гитлеровцы, и по количеству крестов видно было, что полегло их много под Волоколамском. И не немцы это вовсе, а фашисты, поправлял мысленно про себя Витька пацанов. Немцы – они ведь разные. Именно фашисты – гитлеровцы напали на Советский Союз. Пусть – немцы, но те, которые – фашисты. Ведь отец Витьки тоже был немцем, только – советским, и родился и вырос в Советском Союзе, как и его отец и мать, – дед и бабушка Витьки. И во время войны хоть и не взяли отца Витьки на фронт, но все равно – служил он в трудовой армии – добывал на нефтепромысле в Казахстане, в Гурьевской области нефть. И говорил отец, что эта работа тоже очень важна была для победы. И нефть кому-то тоже надо было добывать. И хоть знал Витька, что родители его и

деды, и даже прадеды, и все немцы из его села, родом не из той Германии, которая напала на Советский Союз, а из Автономной республики немцев Поволжья, что была когда-то под Саратовом, было ему, все равно, почему-то горько, оттого что он – тоже немец по национальности. И все внутри его кричало – нет, не имеет он никакого отношения, к этим похороненным в Волоколамске фашистам. Отец рассказывал, что был он комсомольцем и когда в трудармии один подонок обозвал его ненавистным словом, отец не раздумывая, врезал ему по морде, и когда тот пожаловался начальству, что его избили, стало начальство на сторону отца и сказала, что поступил он правильно. И ничего ему за эту драку не было. И все-таки как-то непроизвольно возникало у Витьки из глубины души противное чувство, как будто виноват он, что родился немцем. И восставал мощный протест от несправедливости мыслей таких. Такое бывало и дома, когда их сосед, Плюшкин – по фамилии, напивался пьяным и тоже почему-то ругался на соседей Кнауэров, обзывая их фашистами. Но с ним за это никто не связывался – что с пьяного дурака возьмешь... А вот дядя Володя Луговой, который в отличие от Плюшкина воевал и был на фронте офицером-артиллеристом и тоже любил выпить – никогда с соседями не ругался и тем более местных советских немцев фашистами никогда не называл. Витька научился справляться с собой и сейчас переборол неприятные чувства упрямо вдальблывая в голову, что те, которые лежат под крестами – хоть и немцы,

конечно же, но – фашисты, фашисты... А то, что он – тоже немец, с этим ничего не поделаешь.

А еще было в городе огромное дерево, одна из толстых мощных ветвей которого, на несколько метров в сторону, росла от ствола горизонтально земле. И узнал Витька, что на этой ветви повесили фашисты восемь попавших в плен партизан. Витька знал, как это они делали. Он читал о подвиге Зои Космодемьянской... И веяло холодом в душе от того, что находится он на месте, где уничтожение людей происходило в реальности. Всего несколько дней были фашисты в Волоколамске – их быстро выгнала Советская армия, но память мрачную о себе оставили прочно. И хоть по представлению Витьки город был маленьким и не очень интересным – но он оказался героическим городом и почувствовал Витька к нему огромное уважение. Почти такое же, как к Москве.

Бараки, в которых была квартира тети Дуси, были расположены на окраине города, и как оказалось, совсем недалеко от этого места протекала река Лама. Когда Витька с пацанами впервые добрался до неё, он очень удивился, – ну какая же это река? Она обнаружилась как-то внезапно, за кустарниками, возникла прямо из зеленой травы. Была узкой и очень мелкой. В которой – глубины, – ну, прямо воробью по колено. И как в ней купаться – ну разве что на дно пузом лечь, чтобы утопить в воде полностью тело. Да у Витьки дома даже в арыках, через которые на летний полив огородов отводилась вода – глубже было. И в никакое сравнение не

шла эта река Лама с его горной речкой Терс. Самый разгар лета сейчас – июль, и пропадают днями его Бурно-Октябрьские друзья на любимой речке. Ныряют с обрыва вниз головой на глазах у девчат, играют в догонялки на воде. Плавают, ныряют, и захватив воздуха в грудь, долго под водой, загребая руками и ногами, путают след ускользая от догоняющего, и выныривают отфыркиваясь, а то и совсем неслышно в неожиданном для него месте. Все друзья у Витьки как на подбор, отличные пловцы и ныряльщики. Как рыбы настоящие, безошибочно ориентируются под водой и трудно очень трудно добраться и залепить ладошкой по голове кому-либо из них догоняющему. Чтобы избавиться от обязанности – догонять! А сколько смеха, веселья и отваги на радость всей компании во время этих водных игр. Потом, основательно уставшие, валяются скопом на горячем обжигающем песке, травят анекдоты, разгадывают загадки – просто загорают до черноты и не вбирает уже красок загара в себя тело. Прогрелись, отошли – почувствовали избыток палящего солнца и опять – нырь в жгучую холодную воду! Красота! А здесь? Ну, какое купание – разве что задрать штанины и ноги намочить до колен. Да и видит Витька, нет у городских друзей особого желания купаться. Витьке тоже, не хочется. Он никак не может понять – что же это за лето такое в Волоколамске. Солнце, вроде и светит всюю, но не жарко телу, как будто это и не лето совсем, а только весна. Трава – зеленая вся и не думает выгорать, а оттого и красками весенними окрашено

все вокруг и выглядит по-праздничному. У Витьки дома в это время – травы днем с огнем не сыщешь – вся повыгорала под палящим солнцем, в бурьян неприглядный превратилась, и только пастухи отыскивают её для коров у родников и горных ручьев. Да там – где низины у речки. И все равно, – пусть без этой праздничной зелени – но комфортнее Витьке там дома, под его – все сжигающим солнцем. Он как-то сразу вдруг почувствовал это и впервые – загрустил по дому. Но ненадолго.

Глава 6. Соблазн за забором

Вдоль тропинки, которая привела Витьку с пацанами к речке, тянулся полуразрушенный забор. За ним, в глубине двора видны были какие-то обшарпанные здания то ли мастерских, то ли складов. А еще – прямо за забором простиралась неухоженная территория, поросшая высокой травой. И безлюдно было там. И горками торчали из травы груды загадочных железных изделий. Привлекли к себе они внимание необычностью своей и как бы бесхозностью. Как тут не соблазниться, не дать воли любопытству. Крадучись, полуползком вслед за пацанами и Витька добрался до интересных железяк. И обнаружили среди них те кассовые аппараты, которые привлекли его внимание в городском магазине во время покупок. Сами по себе – вроде бы и неинтересны. Ну, ящик и ящик железный. Но из каркаса этого ящика проглядывались те самые рядки цифр, которые двигались и менялись, когда управляли этими аппаратами продавцы в магазине. И окончив счет, замирали, указывая окончательную стоимость покупок. Каркас, за которым находился механизм с циферками, удалось открыть. Когда рассмотрели этот механизм – очень интересным он показался, и захотелось всем непременно заполучить его. А чтобы отделить этот механизм от всего тяжелого аппарата со всеми его громоздкими клавишами и рычагами – всего-то дел – пару болтов-шурупов от-

крутить надо. И чего тут не разобраться – работает у пацанов соображалка. И открутить – есть чем – ножичком перочинным, ведь под отвертку болты сделаны. Пыхтели от напряжения по очереди, и крутили эти шурупы. На коленках ползали и все оглядывались с опаской, как бы ни заметил кто-нибудь из взрослых ненароком этот грабеж. Знатно потрудились – на всех хватило изъятых приборчиков. Витьке тоже достались целых два. Он потом когда внимательно изучил эти приборчики и разобрался, как они работают – обрадовался очень.

Это были механические счетчики – набор на одной оси рассаженных широких колесиков диаметром в двадцать копеек, с цифрами, от нуля до девяти, равномерно нанесенными на плоской поверхности окружности. И был сбоку рычажок, каждое нажатие на который вращало сначала первый кружок на одну цифру. Когда же этот кружок завершал полный оборот, и десятое нажатие на рычажок переключивало девятую цифру на ноль – вступало в действие и прокручивалось с нуля на единицу второе колесо. Таким образом, десять нажатий на рычажок отображали два колесика цифрой десять. Вращение колесиков происходило по строго определенному закону, заложенному в конструкцию. Первое накручивало единицы, второе – десятки, третье – сотни, четвертое – тысячи... У Витьки разыгралось воображение.

Он страстно мечтал стать летчиком. И там, дома, со своим закадычным дружкой Шуркой, вместе, они любили играть в летчиков. Самолетом, на котором они героически летали, в

воображаемых боевых условиях, служила им огромная верба. Дерево росло в глубине отцовского двора на краю сеновала. К лету на сеновале оставался лишь тонкий слой мягкой соломы. Дерево было высокое, разлапистое, высотой в десять – пятнадцать метров, с мощными прочными ветвями. И там в его кроне, на ветвях, оборудовал Витька с Шуркой надежные кресла для пилота и штурмана, из специально затащенных вверх, и прочно на ветвях закрепленных пиленых досок. По-всякому было во время полетов. Бывало, раскачивало их дерево-штурмовик, особенно когда ветер дул, так, что внизу, с высоты глядя, видно было, как земля и вправду двигалась и оттого, легкое кружение возникало в голове. Крепко ухватившись за ветви, служившие для летчиков штурвалом и рулями управления, и вправду казалось, что летели они над вражеской территорией по-настоящему. Пикировали, выполняли фигуры высшего пилотажа – виражи всякие и бочки. И в критический момент даже прыгали с самолета с парашютом когда, по условиям игры, подбит вражескими зенитками оказывался их самолет.

Парашютом служила вторая молодая верба, выросшая рядом на расстоянии метра от их «самолета». Гибкая, тонкая с не успевшим одеревенеть стволом, она как настоящий парашют и опускала сбитых горе-пилотов на землю. Там на высоте карабкаясь по ветвям, преодолевая страх, бросался Витька на гибкий ствол, ловил его, повисал на руках, и под тяжестью тела пружинил ствол-парашют до самой земли. И испы-

тивал Витька восторг теперь уже от самого настоящего полета вниз, с головокружительной высоты, и летел, пока его ноги не утыкались в соломенную мягкую землю. Несколько секунд, а может и минуту целую, но летел – парил по-настоящему! Почувствовав землю, ослабевал хватку, отпустил спасительный ствол и валился на землю. И дерево, обретя свободу, взмывало пружиной вверх и принимало первоначальное положение. А там, снова превращал его в парашют второй уже член экипажа – Шурка. И далеко не каждый из других уличных друзей-товарищей решался этот их парашютный спуск повторить – ибо, если, не дай Бог, не поймашь спасительный ствол руками, выпустишь его из рук – так хряснешься о землю, что и мозгов не соберешь...

Вот удивится Шурка, когда привезет и покажет ему Витька добытые в Волоколамске диковинные счетчики. Приспособят в дело, и будут служить они на их самолете приборами высоты и скорости. Ценное приобретение случилось у Витьки. Он вертел приборчики, щелкал рычажком, набивал цифры и все никак не мог расстаться с воображаемым полетом на своем, теперь уже оборудованном настоящими приборами, дереве-самолете в который, непременно они отправятся с Шуркой, сразу же, как только он вернется домой. Большим фантазером был Витька, уж что-что, а мечтать он умел. И замирало, от предстоящего удовольствия от полета, сердце.

Дважды потом Витька с товарищами прокрадывался через забор на таинственную территорию в надежде найти еще

что-нибудь интересное и необычное, но среди многочисленного железного хлама кроме аппаратов, которые уже были изучены вдоль и поперек, больше ничего обнаружить не удалось.

Глава 7. Витька – вор

А душа жаждала новых приключений и тут же, не откладывая в долгий ящик, пацаны их придумали. Они вспомнили вдруг, что совсем недалеко есть место, где растут яблони, и конечно же, ведь разгар лета сейчас, созрели уже яблоки на этих деревьях. И пора бы раздобыть их для пробы.

Витьке что? Дома у себя в селе тоже есть места, где растут и зреют и яблони, и сливы, и терн в некоторых соседних огородах. Витька знает, что даже дома, где солнца много, они еще кислую-прекислую. Но раз хотят пацаны, то почему бы и ему с ними не стырить яблок немного. Хотя и не дозрели они до конца, а все равно, не терпится, и попробовать было бы интересно на вкус.

И поспешил Витька вслед за пацанами к Волоколамским садам-огородам. Долго петляли они по закоулкам каким-то и наконец, добрались. Видно пацаны уже без Витьки пробовали яблоки в этом огороде. Уверенно в высоком заборе отодвинули они, как оказалось, плохо прибитую доску и один за другим, Витька – последним, прошмыгнули вовнутрь. Он огляделся и удивился, и не огород это вовсе за забором, а просто маленькая зеленая поляна с несколькими довольно высокими яблонями. Яблоки на ветвях были, но чтобы добраться до них, надо было на дерево влезть. Витька тоже взобрался на то, которое поближе. Он сорвал несколько яблок,

сунул за пазуху и вдруг услышал резкий, эхом отдавшийся, хлопок сзади. Пацанов как ветром сдуло с деревьев, молниями метнулись они к забору и растворились за дырой. А Витька замешкался, и когда с дерева сполз, почувствовал, что какая-то палка уткнулась ему в спину. И услышал он грозный и злорадный рык – а-а, попался дружочек...

Витька действительно попался. Когда он обернулся на голос, увидел отступившего на пару шагов бородатого мужика, в руках у которого было настоящее ружье и два его ствола направлены были прямо Витьке в грудь. И не хлопок это был вовсе, это же стрельнул дядька из ружья. По пацанам стрельнул – эта догадка пронзила его насквозь и Витька испугался. Сильно испугался. Может быть, он пьяный этот дядька и вдруг, опять действительно выстрелит? Опять!!! Теперь – прямо в него, и все из-за каких-то яблок!?...

А мужик, перехватил ружье, схватил оцепеневшего Витьку за ухо и потащил внутрь двора. Матерился жутко, громко позвал кого-то и приказал вызвать милицию. А потом все время держал Витьку под прицелом и грозился выстрелить, если тот шевельнется и вдруг надумает бежать. Витька, натянутый как струна, глядел исподлобья на бородача и вдруг увидел в нем, самого настоящего, одного из тех полицаев, которые творили подлые дела во время войны против партизан. Ведь разве нормальный человек выстрелил бы по пацанам из ружья из-за каких-то яблок? Ну, погнался бы... прутком бы шлепнул, если бы догнал конечно... А этот...

Он много читал о партизанах в книгах. А еще про полицаев рассказывала ему мама. Она вместе со своей матерью жила в Белоруссии, в селе со смешным названием Лапотовичи, и всю войну провела в фашистской оккупации, пока не освободили её деревню советские солдаты. В её деревне тоже хозяйничали полицаи. И чтобы не угнали её в Германию полицаи навсегда, – пряталась она с другими девушками у партизан в лесу. А потом, когда освобождали её село, шальной снаряд разорвался у дома и её маму, а значит – Витькину бабушку, ранило осколком, и она от этого умерла. Мама осталась совсем одна, потому что её отец ушел на фронт сразу в начале войны и сгинул там – пропал без вести. Чтобы не пропасть ей там в своих Лапотовичах одной – переехала она в Казахстан к своей старшей сестре – Дусе. А вот теперь Витька сам попался, ну точно – полицаю! – в руки. Он смотрел злому полупьяному бородачу прямо в лицо, сверлил глазами, а тот по-прежнему не отводил от него ружья. И оттого, что Витька вспомнил про партизан, про маму свою, прошел у него страх, и жгучая ненависть переполнила сердце. «Полицай» этот заметил перемену на Витькином лице, дернул в его сторону ружьем и прорычал: – у-уу зверёныш! Вот посидишь в тюрьме, на всю жизнь запомнишь, что нельзя лазать по чужим садам! И опять начал громко материться. Хорошо, что милиция приехала быстро. Приехала и повезла Витьку в тюрьму.

Витька знал, что в селе у них есть участковый милицио-

нер, но он ни разу его не видел, а тут, сразу два, – настоящих, в форме, арестовали его и везут. Пока везли, присмотрелся к ним Витька и сделал вывод, что вроде и не злые они совсем. В тюрьму его сразу не посадили, а провели в какую-то комнату, которая называлась отделением милиции, и начали писать протокол. Витька назвал свое имя и фамилию и очень удивил того, который его расспрашивал, с погонями старшего лейтенанта на плечах, что живет он в Бурно-Октябрьке, которая далеко находится – в Казахстане, и сюда в Волоколамск приехал совсем ненадолго.

– Так ты что – яблоки приехал воровать? У вас, что своих там мало? – удивился милиционер. И Витька не знал, что ему ответить...

А еще, не знал он адреса, где живет тетя Дуся. Сообщил лишь, что работает она шеф-поваром в какой-то столовой. Поняв, что больше от Витьки ничего не добиться, потеряли милиционеры нему интерес, усадили его в сторону на лавку и занялись своими делами. И ждал Витька, что скоро придет машина и отвезет его в колонию для несовершеннолетних, а может быть, и сразу – в тюрьму. И так жалко ему было себя, и сильно хотелось плакать, но присутствие милиционеров как-то сдерживало, и он крепился изо всех сил. И еще, – переживал за тетю Дусю. Где она будет его искать и как узнает, что он в тюрьму попал за воровство, и вообще – что с ней будет, и как она об этом сообщит его родителям.

Время бежало и бежало, никто Витьку не трогал, и мно-

го чего передумал он, и измучился совсем. Душа смирилась и приготовилась ко всему, что с ним сделают. Он впал в какую-то полудрему и перестал замечать, что происходит вокруг. Очнулся, когда один из милиционеров принес ему ломоть батона с колбасой, а еще горячий чай в алюминиевой кружке и заставил кушать. Витька вдруг обнаружил, что в комнате горит свет и за окном – совсем темно. Им снова овладела тревога, кушать хотелось, а хлеб не лез в горло, но тут раздались голоса за дверью, и в комнату вошла тетя Дуся. Витька замер с кружкой и хлебом в руках от неожиданности. А она бросила на него тревожный взгляд, вздохнула облегченно, прошла мимо и долго, в полголоса, разговаривала о чем-то с милиционерами в соседней комнате. Витька воспрянул духом, и с необыкновенной силой разгорелась в нем снова надежда, – а может и не посадят его. Отпустят на первый раз, ведь всего-то он успел стащить три яблока, которые даже не надкусил, не успел попробовать на вкус. Вон, красуются эти яблоки, в качестве доказательства, – зелень сплошная! Он сам их вытащил из-за пазухи и положил на стол тому милиционеру, с которым сейчас тетя Дуся разговаривает. Может быть, и не посадят, а вот штраф за него тете Дусе наверняка придется заплатить. Кровь опять бросилась в голову, стало жарко так, что пот выступил на лбу и готов был Витька от стыда под землю провалиться совсем.

Удалось освободить тете Дусе Витьку. Он это понял сразу, как только она вновь появилась перед глазами. Позвала

за собой и вывела на улицу в темноту. Потом, они стояли на остановке, ехали в автобусе, шли какое-то время пешком. И все время – молчали. Наконец, оказались в квартире тети Дусиной и она засуетилась за плитой, пожарила яичницу с колбасой и заставила Витьку поужинать. Потом приказала ему спать и сама тоже ушла за свою занавеску. И показалось в тишине Витьке, что тетя Дуся потихоньку плачет в темноте. Стыд с новой силой окончательно захлестнул Витьку, тело инстинктивно сжалось в комок, перехватило горло и до отказа наполнились слезами глаза. Он уткнулся мокрым лицом в подушку и изо всех сил долго боролся с собой, сдерживал разрывающие душу рыдания, давил всхлипы и не давал вырваться их звуками наружу. Слезы текли из глаз и текли, казалось, что отчаяние одолеет Витьку до такой степени, что он умрет сейчас и весь этот кошмар закончится, наконец. И действительно, как-то незаметно, все закончилось и стало легче дышать. Витька совсем обессилел от борьбы с собой и уснул, а когда утром открыл глаза – так хорошо было ему, как будто и не происходило с ним ничего такого вчера.

Совершенно неожиданно появился Левка. Он вдруг проявил к Витьке интерес, сочувственно ткнул в плечо и предложил прогуляться. Ну, предложил и предложил – Витька с удовольствием согласился. Они прибились к Левкиным друзьям, ожидавшим Левку на лавке в глубине двора, и Левка включился в разговор, обсуждал что-то известное только им, и все громко смеялись. Все друзья Левки, как впрочем, и он

сам, были старше Витьки, и это было заметно и бросалось в глаза. Левка тут же про Витьку забыл и Витька почувствовал, что болтается среди них как лишний хвост у собаки. Никто не обращал на него внимания, и он заскучал. Сказал Левке, что пойдет домой и лучше почитает книгу. Ладно, согласился Левка, – мотай, только не натвори там снова дел... И Витька пошел. Грустно было ему, и даже не подняла настроение новая песня, гремевшая на всю округу из окна деревянного двухэтажного дома, тоже входным подъездом смотревшего во двор. Дома, в котором жили Волоколамские друзья-ровесники, и которых сегодня не было видно нигде. «Черный кот от ушей до хвоста, был черней, чем сама чернота...» – пела любимая Витькина певица Эдита Пьеха, – пела от души, но Витьку она сегодня не радовала. Вспомнился вчерашний кошмар. Его опять начали мучить угрызения совести, и казалось ему, что приедет тетя Дуся вечером с работы и наконец, отругает его, выскажет, что не ожидала она, что он, племянник её, оказался вором. И завтра, в субботу, или послезавтра в воскресенье – раньше срока, отвезет его в Москву, посадит на поезд и отправит домой. И никогда уже не простит и знать не захочет больше Витьку.

Он достал книгу, которую купила ему тетя Дуся во время их похода по магазинам. Книга называлась «Белый клык» и написал её американский писатель Джек Лондон. Тете Дусе понадобилась тетрадка для писем, и они зашли тогда по пути в книжный магазин. Витька, когда увидел такое огром-

ное количество развернутых красивыми обложками в его сторону книг, – просто обомлел. Нет, он, конечно, видел гораздо больше книг в одном месте сразу – их просто не меряно было дома в совхозной сельской библиотеке. Но там они стояли на стеллажах, были плотно примкнуты друг к другу и только на переплетах сзади угадывались их названия. А тут – красивыми разноцветными обложками выставились и прямо на него смотрят! А Витьку и медом не корми – дай только почитать что-нибудь. Очень любил Витька книги. И эта книга, про ручного волка, историю о котором он слышал, сразу привлекла его внимание. Он попросил у тети Дуси разрешения посмотреть её, а потом мялся все и никак не решался поставить книгу на место, и тетя Дуся по его просящим глазам и написанному на лице восторгу все поняла сразу, и книгу купила. И от подарка такого, счастье Витьки стало безмерным. Потом он растягивал удовольствие, решив оставить её чтение для поезда, когда поедет домой. Но сейчас в комнате делать было нечего, он раскрыл первую страницу, пробежался по строкам и уже не мог оторваться. История волчонка захватила так, что забыл Витька про время и глотал, и глотал текст. Вечером тетя Дуся от книги Витьку все же оторвала. Она, как ни в чем не бывало, рассказывала о своих делах и планах на субботу, и Витька понял, что его отъезд домой откладывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.